

ВСТРЕЧИ В ДОРОГЕ

А. ВЕЛИЧКО

ДАВНО уже наш вездеходник оставил позади Улан-Удэ и взял курс на Кяхту. Скрылись за горизонтом фабричные дымные трубы, корпуса заводских зданий и жилых кварталов столицы Бурятской республики. Проплыли под фермами моста полноводная Селенга и округлые льдины шуги с белой каймой от таящих на крошке волн, — они похны на накие-то скачущие ледяные льдины. Впереди возникают смутные и величавые очертания покрытых снегом гор, а вокруг — ровная степь, по которой вольно гуляют первые снежные вихри.

Вспоминаются слова А. П. Чехова: «Селенга — сплошная красота, а в Забайкалье я находил все, что хотел: и Кавказ и долину Пела, и Звенигородский уезд, и Дон. Днем скачешь по Кавказу, ночью — по донской степи, а утром, очнувшись от дремоты, глядь, уже Полтавская губерния — и так всю тысячу верст».

Ныне это разнообразие еще более разительно на фоне великого переустройства Забайкалья, когда прежние контрасты дополняются новыми и, конечно, не только пейзажными.

До Кяхты еще километров двести с лишним, но мысленно представляешь себе этот город былой славы — город, через который шли когда-то в Россию, в Европу караваны с чаем, шелками, шерстью, фарфором, слоновой костью из Китая, Монголии, Индии; город, который прославили великие русские путешественники, начинавшие отсюда свой путь в неизведанные дали Центральной Азии... Какое же он сейчас, этот город? Ведь через него давно уже не проходят караваны верблюдов, а железная дорога обошла его стороной. Нашел ли он свою новую судьбу?

Посмотрите вправо, — говорит наш путевник бурятский писатель Дамдинжав, — это улус Жергалтану, в переводе на русский язык — Долина радости.

Ну как не заглянуть в Долину радости, хотя, признаться, издали она и не прельщает красотами, особенно когда по ней метет поземка. И все же при ближайшем знакомстве оказалось, что название это не случайное. Все буряты, с которыми мы здесь встречались и разговаривали, изумительно хорошо, я сказал бы шедро, улыбаются. Значит, есть отчего.

А почему бы в самом деле не улыбаться председателю колхоза Цирегову Болданову, когда он говорит, что доход колхоза — в нем 307 дворов — в этом году равен пяти миллионам рублей, что на зимовках пасется семнадцать тысяч тонкорунных овец, а на фермах — 1 700 голов крупного рогатого скота? Да еще в личном хозяйстве каждого колхозника 2—3 коровы, 5—6 овец с приплодом и птицы сколько кому нужно. В улусе во всех домах электричество, а в некоторых уже и паровое отопление. Есть клуб, вечерники очень оживленные, есть библиотека, кино, музей, гостиница для приезжающих.

Свадьбы бывают часто. Новобрачных поздравляет весь улус. В поздравлениях пожелания счастья поют: «Пусть жизнь ваша будет подобна ясному лику луны, подобна сочному травму в лучшую пору весны!» и пусть в семье будет «полное оледенение детей».

Почему бы не улыбаться основателю этого колхоза, бывшему батраку, ныне персональному пенсионеру Трөгачи Данданову, когда он, проезжая от зимовки к зимовке, смотрит из окна своей «Победы» на необъятные пастбища и многочисленных овец? Главный механик, называют его здесь. И это сущая правда, хотя никаких курсов он не окончил, а просто полюбил и «попал» первый же трактор, появившийся в улусе четверть века назад. Данданов, по его словам, «своими руками дошел» до тайн каждой машины, прибывавшей в колхоз, освоил грузовые и легковые машины всех известных здесь марок, стал первым электрфиксатором, радиодификатором, а сейчас и теплотехником своего колхоза.

Раньше бурят коня любил, а теперь машину любит, — уже не улыбается, а хохочет Данданов. — Я — механизатор, один сын — инженер, а другой еще выше забирает — скоро училище кончат и летчиком будут.

О ПЯТЬ дорог. Горы все ближе, все круче, все краше. Когда машина остановилась в Ново-Селенгинске, мы увидели на центральной площади двухэтажный деревянный дом



Сцена из оперы Б. Бриттена «Альберт Херринг».

Новаторский театр

КАК превратить оперу из пышного концерта, паноптикума напыщенных штампов в правдивое и волнующее представление, органически сочетающее музыку и драму? Интересный ответ на этот вопрос дает талантливый немецкий режиссер Вальтер Фельзенштейн и руководимый им берлинский театр «Коммуне ошун». В эпоху, когда модернистские кланши хоронят оперное искусство как яковы отжившее свой век, Фельзенштейн и его театр убедительно показывают, насколько безграничны возможности реалистического обновления оперы.

Примечательно, что эти искания осуществляются в молодом коллективе, возрожденном в условиях демократической Германии. Сюда, в Восточный Берлин, охотно приезжают певцы и музыканты из Западной Германии, Швейцарии, Австрии, Чехословакии, чтобы вместе с мастерами из ГДР принять участие в новаторских спектаклях Фельзенштейна. Знание театра постоянно наполняют зрители из обеих частей Германии, и его спектакли служат делу единения германского народа.

Первые два спектакля «Коммуне опер» в Москве — «Сказки Гофмана» и «Альберт Херринг» — вызвали живейшие отклики столичной аудитории.

Около восьмидесяти лет живет на сцене лирико-фантастическая опера Оффенбаха «Сказки Гофмана». За эти годы чудесное творение французского мастера успело обрести множество постановочных и музыкальных штампов,

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

самую добрую память. Они не пали духом, не утратили веры в свои силы, подружился с бурятами, тогда еще кочевниками, учили грамоте, врачевали их, приучали к ремеслу. И по нынешней день в музеях республики хранится мебель, сделанная руками братьев-декабристов, картины, живописные Николом.

Рядом с могилкой Н. А. Бестужева — маленькая чугунная плита, и на ней надпись: «Мария Николаевна Бестужева. Скончалась в 1867 г. декабря 7 дня на 39 году от рождения». Сейчас ранняя зима, а с гор даже в беззвучную пору идет неумолчивый и жестокий поток всеобъемлющего и всепроникающего вихря холодного воздуха. А тогда был декабрь, глухая и глубокая зима, была одинокая избушка, в которой умирала Мария 39 лет от роду, было безмолвие гор и безлюдье на сотни верст... Да, все это было вот здесь.

С автомагистрали доносятся гудки грузовиков и автобусов, из райцентра, где уже загорают электролинии, слышатся звуки радио. Вездеходник ныряет по горным увалам, выходит на шоссе, и опять дорога, дорога...

К ЯХТА. Поздний вечер, редкие огни, несные очертания города. У входа в гостиницу — мемориальная доска: здесь проходил 1-й съезд Монгольской народно-революционной партии с участием Сухэ-Батора и Чойбалсанга. Дежурная по гостинице объясняет, что они жили вот в этой комнате. Кровати, диван и стол покрыты пурпурным плюшем, на полу и на стенах ковры, в углу огромная китайская ваза. Говорят, Монголия совсем рядом, чуть ли не за ономом. Сквозь сон чудится размеренный шаг верблюдьего каравана, звон бубенчиков, перекличка голосов погонщиков. Но все это, конечно, только чудится.

Старая Кяхта неохотно раскрылась перед нами в сумеречное зимнее утро. Несколько зданий каменной кладки прошлого и позапрошлого веков и множество порывшихся от времени деревянные домов и домишек. Вот музей —

в этом здании учился в начале XIX века первый бурятский ученый Доржи Банзаров. Вот дом, где родился академик Д. Н. Прянников, где жил и работал академик В. А. Обручев, — дом, в кото-

ром останавливались русские ученые и путешественники, начинавшие и завершавшие свои научные экспедиции. Вот там, на холме у дороги, памятник на могиле первой русской путешественницы А. В. Потаниной.

Может быть, Кяхта свято хранит свои традиции города ученых? К сожалению, нет. Ученые редко бывают здесь: пути для научных экспедиций в Центральную Азию ныне уже не караванные, а воздушные и железнодорожные. Судьба та же, что и у торговых путей. Неужели и у городка — та же?

Перед нами — огромное здание с высоким ржавым шпилем и могучими, как у крепости, стенами. Был там же дворец, гигантский квадрат, каждая сторона которого длиной чуть ли не в километр. Это склады, где купцы хранили чай, шелка, бархат, фарфор. Стены настолько обветшали, что мы входим во двор с таким чувством, будто перед нами руины далекого прошлого.

НО ЧТО ЭТО? Во дворе льют котры, клубится тяжелый смолистый дым из огромных чанов, хлопчат стропила в ватниках. Подземный крик подтягивает к свежеструганным стропилам бревна и кирпичи, рабочие срывают листы поржавевшей крыши и заменяют новыми, в рамы окон вставляются стекла. Это — на одной половине двора, а на другой — стены складов уже побелены, стекла вставлены, а в окнах ярко горит электрический свет. Оттуда доносится какой-то ровный гул.

К нам подходит молодой человек в полуботке и представляется:

— Директор предприятия-трикотажной фабрики Ланко Василий Павлович.

Так вот оно что! В старые меха вливается новое вино. Но «меха» обветшали. И вот руки человеческие переделывают их заново.

Мы идем по величественному двухсветному пролету длиной в 700 метров. Вдоль стен его с обеих сторон установлены переклассные, самых новейших конструкций станки и машины. Они перерабатывают кипы хлопка в тончайшую пряжу, из которой в других пролетах соткут полотнища трикотажки, выкроют и сделают одежду.

У станков — девушки, русские и «буряточки», как их ласково здесь называют. Знакомимся с одной из них — с Галей Андаповой, только что соткавшей первый метр трикотажки, — первый метр и для нее, и для всей фабрики. Фабрика только становится на ноги и до сих пор выпускала лишь пряжу.

Большой день сегодня у Гали. — поясняет директор. — Она полтора работала у нас уборщицей, потом упорно училась, стала вязальщицей, и вот, наконец, первый метр!

Трудно пришлось ей, как и всему этому молодому коллективу. Своими руками они создали эту новую фабрику. Будет она, обязательно будет одной из лучших в стране. Кяхта индустриализуется!

А на стене пролета, над нами — плакат со стихами В. Маяковского: Будущее не придет само, если не примем мер. За жары его, комсомо! За хвост его, пионер!

Когда вездеходник помчал нас с обратным путем, город не казался нам таким уж старым. Ничего, помолодеть и по-новому заживет старая Кяхта. И опять дорога, дорога... Встречи, раслуки, встречи.

УЛАН-УДЭ — КЯХТА
Бурятская АССР

Западные режиссеры не раз пытались акцентировать в спектакле черты болезненного «гофманства», причудливой фантазмагории, идеи бессилия человека-марионетки перед всемогущим роком. Вальтер Фельзенштейн решительно опрокинул эти традиции, создав совершенно иной, по существу новый, вариант оперы. Три разрозненные новеллы — о трех любовных увлечениях Гофмана — превратились в три главы единого повествования. Гофман в спектакле не имеет ничего общего с тем опустившимся фантазмом, которого привыкли изображать оперные режиссеры; здесь это — лиричный романтик, влюбленный в жизнь и невидящий жалкий мирок филлистеров и провинциальных мистров. Музыка — вопреки прежней пессимистической концепции оперы — направляет его мысль к живой жизни, к творчеству.

«Реконструкция» оперы, осуществленная Фельзенштейном, необычайно интересна и плодотворна. Лишь кое-где жонглируя реформатором излишне заделав хрупкую ткань музыки; и в эти моменты спектакль начинает восприниматься как обычная драма с музыкальным оформлением. Зато в лучших эпизодах достигнуто высокое совершенство синтетического искусства. Таковы прежде всего массовые сцены, где чуть затянувшиеся диалоги уступают место пленительному сочетанию пения и острого театрального зрелища.

В спектакле поражают прежде всего живость, естественность, динамика. Слово ожило бытовые картины начала прошлого века. Стильно, с щедрой красотой и театральным размахом оформил спектакль молодой художник Рудольф Генрих. Роскошь оформления, обилие богатых и красивых вещей как бы демонстративно противоречат унылому аскетизму современного «установочного театра».

Постановщики не прошли и мимо тех специфических деталей, которые отличают романтический манеру Э. Т. А. Гофмана. Так возникают за-



Бурятская АССР. Полхозные отары на пастбище

Фото В. Тарасевича

НАШ «ВТОРНИК»

Плотина Берингова пролива

МОЖНО ли изменить климат на больших пространствах нашей планеты? Какими путями нужно идти к осуществлению этого дерзкого замысла?

В удивительное время мы живем. Подобная задача совсем еще недавно была бы отнесена к области чистой фантастики. Ныне, после влета космической ракеты, доставившей на Луну вымпелы с гербом Советского Союза, после того как люди всех континентов увидели фотографии невидимой части Луны, заснятой межпланетной автоматической станцией, — неизмеримо выросла вера человека в свое могущество, и в свою способность воздействовать на стихийные силы природы. А историческая поездка товарища Хрущева в США, открывшая перед человечеством реальную перспективу мирного со-

существования, уже сегодня рождает мечту о содружестве народов, направленном на благоустройство нашей планеты, на то, чтобы расцвела пустыня, чтобы гражданам земли был счастлив. Именно в этом причина того, что предложение о потеплении климата арктических районов с помощью плотин в Беринговом проливе, о превращении миллионов гектаров земли, скованных вечной мерзлотой, в плодородные луга и пастбища привлекло внимание и вызвало сочувственные отклики в нашей стране, в США, Канаде и других странах.

Брошюра с текстом выступления Н. С. Хрущева на приеме советских журналистов

Вышла в свет брошюра «Советская печать должна быть самой сильной и самой боевой!», выпущенная Государственным издательством политической литературы. Она содержит текст выступления товарища Н. С. Хрущева на приеме советских журналистов в Кремле 14 ноября 1959 года.

Брошюра издана массовым тиражом.

На очередной «вторник» «Литературной газеты» пришли ученые, инженеры, писатели с тем, чтобы принять участие в обсуждении этой проблемы. Сообщение Петра Михайловича Борисова, автора одного из предложений, вызвало оживленный обмен мнениями. Основные их направления:

В состоянии ли современная техника соорудить плотину в Беринговом проливе, соединить два континента? Как изменится климат нашей планеты; приведет ли постройка плотин к тем результатам, о которых заявляет автор предложения?

Плотину построить можно

— Я гидротехник, — говорит членкорреспондент Академии наук СССР Б. К. Александров. — Моя оценка предложения Борисова касается вопросов гидротехники.

Безусловно, технически постройка плотин в Беринговом проливе возможна, хотя и чрезвычайно трудна. Это своего рода гидротехническая ракета. При перекрытии Берингова пролива мы встретимся с расходом воды, многократно превышающим все, что нам приходилось встречать при сооружении крупнейшей гидроэлектростанции. Велика, естественно, будет и скорость течения. К тому же, по мере того как мы будем сужать Берингов пролив, она будет неперестанно увеличиваться. Соответственно будет увеличиваться напор на плотину, что создаст большие трудности для строителей.

Мы, инженеры, не можем сегодня рассчитать достаточно точно, сколько потребуется средств для такого строительства, но, если учесть огромные выгоды, которые может дать осуществление предложения Борисова, вопрос о затратах, как бы они ни казались нам велики, не играет большой роли. Должен признаться, что меня интересует, каковы будут последствия: естественные распылы, являющиеся реплики начальными, позитивные, торжественные оперно-волнительные фразы леди. Особенно выразительна экономика (Ганна Шмюк), сухопарая девица — в духе чеховской «дочери Альбиона».

Миру лицезмеров и ханжей противостоит великолепная пара — молодой мясник Сид (Вернер Миссер) и его невеста Эниси (Ева Мария Баум). Они-то и помогают прищипленному ханжеским воспитанием Альберту вырваться из пут пуританской «добродетели».

Тонко, правдиво, жизненно обрисован главный герой комедии Альберт Херринг, которого играет превосходный актер Эрвин Вольфарт. Вначале он показан придурковатым недорослем, олицетворением скучного протестантского образования. Затем в нем постепенно пробуждаются живые порывы человечности. И вот наконец Альберт сбрасывает с себя обличье недоросля-праведника и отважно прогоняет своих покровителей. Многозначителен финал спектакля, когда прозревший Альберт — простой хороший парень — выходит на зияющую солнцем весеннюю улицу под веселую песенку детей. Здесь любовь к жизни торжествует победу над лимитированной добродетелью.

Труднейшая музыкальная ткань оперы, изобильная сложными ансамблями, каверными ритмическими и интонационными деталями, точно передана участниками спектакля (дирижер Вальтер Кнер).

В спектакле много играют дети — шесть маленьких немецких школьников, щедро наделенных и музыкальностью, и сценическим талантом. С подлинным юмором и непосредственной увлеченностью разыгрывают они оваровательные бытовые сценки, придающие всему представлению черты особого обаяния.

Первые два спектакля «Коммуне опер» доставили зрителям музыки истинное художественное наслаждение. Отсюда, что наши друзья в ГДР сумели создать такой блестящий оперный коллектив, пролагающий новые пути в современном оперном искусстве.

И. НЕСТЬЕВ

слей холодной воды в Ледовитом океане достаточно велик, потребуются очень много времени, чтобы добраться до Гольфстрима. Тут надо все хорошо подсчитать.

Для сооружения плотин необходимо обширные изыскания и большие проектные работы. Нужно будет чрезвычайно тщательно изучить расход воды, изучить грунтовые условия, вулканические явления и многое другое. Здесь нужны усилия океанографов, физиков, геологов и других специалистов, прежде чем нам, гидротехникам, начинать расчеты. Идея плотин, во всяком случае в ее конструктивной части, технически осуществима. Но решающее слово о целесообразности ее постройки принадлежит океанологам и климатологам.

Возражения климатологов

— Идея изменения климата путем постройки плотин, — говорит работник Центрального института прогнозов Д. А. Дрогайцев, — не нова. У нас в России в прошлом столетии предлагали перекрыть Татарский пролив, чтобы преградить путь холодным течениям, идущим из Охотского моря. Американцы в свое время вынашивали идею постройки плотин, которая должна была приблизить Гольфстрим к берегам Америки. Сооружение плотин в океанах — это идея прошлого столетия, когда люди еще не знали причин образования течений. В (Окончание на 2-й стр.)

ОБСУЖДЕНИЕ ЖУРНАЛА «НЕВА»

НЕДАВНО бюро Ленинградского областного комитета КПСС на своем заседании обсудило работу журнала «Нева».

В принятом постановлении отмечается, что редакция журнала серьезно внимание уделяет проблемам современности. Многие художественные произведения, опубликованные в «Неве», воспевают самоотверженный труд советского человека — строителя коммунизма, раскрывают любовь нашего народа к своей Родине и Коммунистической партии, показывают грандиозный размах коммунистического строительства. Журнал выступил с рядом интересных статей, в которых с позиций партийности освещаются важнейшие вопросы развития литературы и искусства; разоблачаются проявления ревизионизма.

Вместе с тем бюро обкома КПСС указало, что в журнале «Нева» мало еще печатается произведений, которые в яркой форме отразили бы величие наших дней, показали выдающиеся достижения советского народа. В отделе очерка и публицистики журнала еще не найдено должного отражения некоторые важные вопросы нашей жизни. В девяти номерах «Невы» за 1959 год всего один очерк посвящен колхозной деревне. Лишь от случая к случаю освещаются отделом публицистики проблемы коммунистического воспитания трудящихся. В журнале редко печатаются материалы о дружбе народов нашей страны.

За последние время редакция «Невы» понизила требовательность к идейно-художественным качествам печатающихся произведений. Редакция совершила грубую ошибку, поместив аполитичный, объективистский очерк Н. Михайловского «Здравствуй, Суоми». Серьезной ошибкой журнала является публикация рассказа С. Воронина «В родных местах», содержащего элементы убогости и идейной нечеткости (об этом рассказе в «Литературная газета» писала 27 октября в статье «Идем на солдат»).

Снижение требовательности сказывается и в том, что на страницах «Невы» появляются произведения, для которых характерны бедность, неадекватность языка, слабость художественных образов. В отделе критики журнала встречаются статьи поверхностные, недостаточно доказательные, содержащие неверные оценки отдельных произведений.

Бюро обкома предложило редакции журнала «Нева» активизировать начатую работу по более широкому освещению на страницах журнала проблем современности. Основное внимание редакции должно быть сосредоточено на публикации таких произведений, которые широко пропагандировали бы задачи семилетнего плана, показывали вдохновляющую, преобразующую роль КПСС в развитии экономики и культуры нашей страны, особенно за период, охватывающий последние пять лет, правдиво и ярко раскрывали трудовые героизм советского народа, выдающиеся достижения нашей Родины в развитии науки и техники, грандиозность и величие борьбы за коммунизм.

КАЗЛОСЬ бы, в настоящее время не пристало ломиться в открытую дверь, доказывая, какую пользу приносит освоение наследия...

те же мысли и суждения. Она не могла дать обществу ключ для понимания литературного процесса...

Нередко приходится наблюдать, как жадно в восприятие культуры прошлого становится чрезмерной, хватая «через край»...

Хорошо, что у нас появляются пьесы, которые не оставляют зрителей в плену равнодушия, а вызывают острую полемику...

В годы культа личности искусственно замалчивались некоторые явления литературы прошлого. Сейчас это положение изменилось...

Пьеса С. Алешина «Все остается людям» и спектакль Художественного театра вызвали при своем появлении острую полемику...

Латышская критика в этом отношении (особенно в рецензиях) предстает зачастую, что греха таить, не всегда разумной...

Алеша Вязьмин, милый, честный парень, оказался душевно нестойким человеком. Его подозревают в обмане, и он решает покончить с собой...

Почему же все это происходит? У одних — из-за неумения глубже понять действительность, из-за детской путаницы в оценке литературных и общественных противоречий...

И вступил Вязьмин, и вступил Орлов — Дронов, снова всматривается в строки, не понимая, в чем дело, и вдруг пошатнулся, и тревожно, будто он потерял самое важное, кричит: «Алексей Николаевич! Алеша!»...

При такой шаткости воззрений не хватает лишь одного небольшого шага, чтобы восторженные апологеты буржуазного литературного наследия начали складывать голову и перед старой латышской буржуазной критикой...

Философский, глубокий по мысли спектакль-диспут поставил МХАТ (режиссер Г. Конский). Он не ставит всех точек над «и», не собирает деать рецензии на все случаи жизни...

Понятия — литература прошлого и буржуазная литература — вовсе не равнозначны, я надеюсь, что нет нужды это доказывать. Я также вовсе не думаю отрицать высокий профессиональный уровень произведений некоторых из латышских буржуазных писателей...

Главный герой спектакля академик Дронов, роль которого прекрасно играет В. Орлов, живет напряженной духовной жизнью. Артист создает крупный характер, характер мыслящего героя нашего времени...

История прошедших эпох тоже служит настоящим и будущему. Надо категорически и навсегда избавиться от звучащих еще то там, то здесь неумных восторгов, заменяющих серьезный анализ произведений писателей прошлого...

Дронов — Орлов — человек открытого и чистого сердца, беспокойного ума. О таких в народе говорят — до перемены. Он находится во внутреннем разладе с собственническим миром, и горечь жизни питает горечь его раздумий над ней...

Отлетевшая Ника

В ТО РОКОВОЕ европейское лето тридцать девятого года сновоз праздний и суетный шум повседневно, сквозь судорожные вопли репродукторов, изрыгающих завывания саксофонов...

отношении к миру, Олдингтона сновывает снейдающий пессимизм, и, наконец, Ремарк, преодолевая характерный для него ранее политический нейтралитет, в своих последних произведениях «Время жить и время умирать» и «Низкий пол» обращается к острым вопросам современности...



Артист В. Орлов в роли академика Дронова



Фото М. Трахмана

Что остается людям?

Хорошо, что у нас появляются пьесы, которые не оставляют зрителей в плену равнодушия, а вызывают острую полемику. И в зале театра, и на совещаниях, и даже в печати...

Мы можем вспомнить горьковского Егора Булычова и его спор с отцом Павликом о жизни и человеке. «Страх» и «Далеко» Афиногенова. По существу пьеса Алешина — это религиозная философия...

Тема народного подвига

18 ноября в Центральном Доме литераторов состоялось обсуждение советской военной прозы 1939 года. Докладчик В. Смирнова подвергла подробному разбору несколько крупных произведений о Великой Отечественной войне...

Об отношении к литературному наследию

кал из сущности характера заглавного лица пьесы. А у Алешина? Сидят два человека, играют в шахматы и как-то очень спокойно беседуют. Идет стратегия, играют в шахматы и как-то очень спокойно беседуют...

